РАЗДЕЛ II. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Калаберда А.В.

О роли этномузыкологических исследований в процессе формирования Реестра ОНКН Республики Карелия

*ГАУ РК «Центр народного творчества и культурных инициатив Республики
Карелия»*

(Россия, Петрозаводск)

doi: 10.18411/spc-26-07-2020-08

idsp: sciencepublic-26-07-2020-08

Исследование этнических культур является особенно актуальным на протяжении последних десятилетий для целого ряда гуманитарных дисциплин. Это связано с процессами стремительной модернизации и глобализации общества в XX веке, приведшими к трансформации целостного мира традиции как системного конгломерата. Понимание того, что: «нужно охранять не культуру, а сами этносы и их ареалы, которые, как мы понимаем, часть их этнической истории. Тогда сохранится и культура» становятся важными для комплекса мер, направленных на сохранение нематериального культурного наследия [14, с. 23].

В различных регионах России ведется работа, направленная на сохранение ОНКН посредством создания региональных информационных баз данных – реестров или каталогов. Республика Карелия является единственным субъектом РФ, где исторически проживают сразу три финно-угорских этноса – карелы, финны, вепсы и славяне – русские. С одной стороны, русские и финно-угры живут на Северо-Западе России в условиях длительного многовекового контактирования. С другой стороны, «само население российского Северо-Запада – во многом потомки ассимилированных, обрусевших прибалтийско-финских племен – автохтонных этносов этой земли» [12, с. 35]. Несмотря на кардинальные изменения, произошедшие в XX столетии в политической, экономической, культурной жизни и как следствие размывание этнических границ, автохтонные этносы Республики Карелии «продолжали сохранять свою выраженную в материальной и духовной культуре этническую индивидуальность» [6, с. 176].

Важным в процессе работы над формированием республиканского Реестра ОНКН, становится опыт, накопленный в Карелии в сфере историко-этнографических, лингвистических, фольклорных, этномузыкологических исследований, основанный на выявлении характерных черт этнических культур автохтонных этносов, исторически сформировавшихся и проявившихся в этнографических зонах и этнических границах в Карелии, что не отображает современное административно-территориальное деление.

Еще во второй половине 1950 годов Л.М. Кершнер были выделены три географические зоны, сформулированы и обоснованы важные для фольклористики Карелии положения. Л.М. Кершнер пишет: «В карельской народной песне отчетливо обозначены три группы местных мелодических стилей: мелодический стиль Северной Карелии (района Калевалы), мелодические стили Средней Карелии (ее северной, центральной и южной полос) и мелодические стили Южной Карелии (ее северных и южных районов)» [5, с. 12]. Тем не менее, этническим единством эти зоны не обладают, т.к. на западе каждой из них традиционно проживали карелы, на востоке – русские (а в южной части Онежского озера – также и вепсы) [10, с. 93].

Существенным для исследователей традиционных культур и нематериального культурного наследия в частности становятся ранее выявленные территории этнокультурных провинций, образующие этнокультурный ландшафт Карелии. К таковым относят Поморье (Карельское Поморье), Выгозерье, Заонежье, Прионежье и

Приладожье. При этом Пудожье, Заонежье и Прионежье в работах этнографов и фольклористов часто объединяются в более крупную провинцию – Обонежье, а Приладожье, напротив, подразделяется на Северное и Восточное. Этнические культуры указанных территорий обладают индивидуальным набором признаков, создающих их особый, оригинальный облик. Так, по мнению фольклориста Т.В. Краснопольской «именно ареалы бытования развитых лирических распевов и отмечают границы двух самых крупных центров песенной культуры Обонежья – Заонежья и Пудожья» [7, с. 18].

Современным научным критерием, позволяющим относить этнос к определенной группе, является принцип, основанный на этнолингвистическом родстве. Так, карелы Карелии, на рубеже XIX–XX столетия составляли этнографическую группу и делились сообразно наречию на три субэтнические группы: собственно карел (самоназвание – *karjala*), карел-ливвиков (*livgiläine*, *livviköi*) и карел-людиков (*lüüdiläine*, *lüüdikoi*) [9, с. 10]. В каждой из этих групп имеются более мелкие этнолокальные группы. Этногеографические группы образуют русские Карелии и прионежские вепсы. К числу субэтнических групп русских в Карелии могут быть причислены только поморы, традиционным занятием которых «было не ведение крестьянского хозяйства, а морское рыболовство и промысел морского зверя» [10, с. 96].

В настоящее время актуальными становятся междисциплинарные исследования, в которых представлены комплексные историко-культурные описания мест традиционно компактного проживания отдельных субэтнических и этнодиалектных групп автохтонных этносов Карелии. Такой подход содействует постижению многовекового социально-экономического и этнокультурного развития определенного ареала на основании данных о языке, истории, особенностях хозяйственных занятий, обрядов и верований, различных сфер народного творчества [3, с. 5].

Основой для фиксации и описания ОНКН Республики Карелия могут стать этномузыкалогические данные в связи с тем, что именно «Этномузыкалогия», находясь в междисциплинарном пространстве, взаимодействует с целым рядом гуманитарных дисциплин. Значимым для этномузыкалогии в сфере научного знания оказывается подлинное понимание сущности различных аспектов музыкальных традиций, учитывающее их роль в системе ритуалов, трудовой практике, художественной деятельности и историко-культурном контексте в целом [11, с. 143].

Опираясь на этномузыкалогические исследования, возможно не только представить облик определенной локальной музыкальной традиции, но и выделить доминанты, которые по сути и являются ОНКН. Именно этническая музыка и поддержание ее традиций способствовали сохранению того или иного народа как самостоятельного социокультурного субъекта [12, с. 36]. Так в традиционной культуре северных карелов важнейшей являлась рунопевческая традиция, которая и вошла в сферу интересов финских и отечественных ученых. Так называемый «калевальский стих» объединяет разные жанры: эпические и лирические песни, свадебные, трудовые и колыбельные песни, заговоры и заклинания, отчасти пословицы и загадки. Особенность северокарельской музыкальной традиции заключается в том, что все принадлежащие ей музыкальные жанры не просто находятся под влиянием рунической интонации, но как бы пронизаны ею. Мелодические очертания напева могут преобразоваться, но его ритмический рисунок с точки зрения рунических метроритмических форм сохраняет определенность и узнаваемость [2, с. 10].

Песенные импровизации йойги (*joiku*) некоторые исследователи считают одним из наиболее древних жанров и относят их возникновение к докалевальскому периоду. Несмотря на импровизационность, йойги всегда исполнялись в рамках определенной тематики, с использованием сложившегося набора метафорических замен, иносказаний, эпитетов и строения стиха, схожего с калевальской метрикой. Особенно часто йойгали на озере, «парней йойгали, кто женился, того уже не йойгали» [4, с. 8].

По художественно-стилевым приемам йойги близки к причитаниям. Песни калевальской метрики, причитания и йойги северных карелов, несомненно, должны быть описаны с позиций ОНКН.

В настоящее время в традиционной культуре северных (калевальских) карелов сохранились звуковые подражания – образцы реликтового синкретизма, появившиеся в древности и связанные с охотничьими промыслами. Голосовые имитации и манковые наигрыши являлись не только одним из основополагающих механизмов формирования интонационной культуры и ладового мышления, но и, включаясь в качестве ономотопей в словарный запас, способствовали формированию языка. Спектр, описываемых звукоподражательных средств во многом связан с особенностью природного ландшафта, в котором голоса определенных видов животных и птиц передают оригинальный звуковой облик местности и обуславливают специфику звукового пространства традиционной культуры [15, с. 12].

Подход, использующий исключительно принцип этнолингвистического родства, эффективен при изучении ранних стадий этногенеза. Для поздних этапов изучения этносов правомернее региональный подход, т.к. более значимыми в развитии их культур становятся системы жизнеобеспечения, определяемые различными географическими ареалами, а также межэтнические контакты [13, с. 5].

Проблема межэтнических контактов и взаимодействий является одной из приоритетных для целого комплекса гуманитарных наук. Нематериальное культурное наследие автохтонных этносов Карелии отличается яркое своеобразие, во многом обусловленное активно происходившими межэтническими контактами. Так происхождение некоторых музыкально-хореографических форм, относящихся к позднему пласту народно-песенной культуры северных карелов, связано с музыкальными культурами соседних народов – русских и финнов. Придя в Финляндию через Швецию из стран Европы, *piirileikki* (в пер. с финн. «игры в кругу») осваивались карелами в соответствии с нормами собственной этнической культуры и стали частью местной музыкально-фольклорной традиции [8, с. 57].

Яркими инструментально-хореографическими комплексами, характерными исключительно для севернокарельской традиции являются, появившиеся на рубеже XIX–XX столетий, *Раатикко*, *Римпа*, *Шоттиси*, *Хумахуш*, традиционно функционировавшие в молодежной среде. Зафиксированные преимущественно в репертуаре гармонистов в позднее время, ранее они могли исполняться под аккомпанемент многострунного диатонического кантеле.

Традиционное мировоззрение является одной из важнейших этнических характеристик, позволяющей сформировать суждения не только об этнической истории, но и специфике культуры. Мировоззренческое и ритуально-мифологическое родство прибалтийско-финских народов (к которым относятся, в том числе, карелы, финны и вепсы) наиболее ярко проявилось в сфере традиционного исполнительства на кантелевидных цитрах. В 1960 годы исполнительство на кантеле в п. Калевала было возрождено В.Ф. Пяллиным. Несмотря на принятие усовершенствованного хроматического кантеле, Вейкко Пяллина – знаток севернокарельской музыкальной традиции – опирался на традиционные приемы исполнительства: кантеле держат на коленях, а не вертикально, короткими струнами к себе, при таком положении инструмента звукоизвлечение напоминает удар по струне. Правая рука исполняет мелодию, левая – аккомпанемент, аппликатура, предложенная В.Ф. Пяллиным, активно использует первые пальцы обеих рук. Вейкко Фёдорович создал характерный для кантеле репертуар, состоящий из танцевальных наигрышей (*Шоттиси*, *Раатикко*, *Римпа*, *Хумахуш*), основанных на диатоническом звукоряде, обработок карельских народных мелодий и собственных сочинений ярко национальных по духу. Часть его композиций продолжала жить лишь в памяти учеников, рождаясь спонтанно и отражая такие принципы традиционного исполнительства, как вариативность и импровизационность [1, с. 104].

Таким образом, фиксация, изучение и формирование Реестра ОНКН автохтонных этносов Карелии должны осуществляться с учетом выявленных этнографических зон и этнических границ. Важную роль в этом процессе играют этномузыкалогические исследования. Именно этномузыкалогия использует и органично сочетает универсальную методологию, выработанную и применяемую в различных сферах гуманитарной науки, актуальную для всего системного конгломерата компонентов этнической традиции, сохраняющего ее оригинальность и своеобразие в настоящее время.

1. Гладышев Ю.А. Вейкко Пяллина – хранитель и пропагандист традиционной культуры северных карел / Ю.А. Гладышев // Этническая культура и XXI век. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2011. – С. 102–105.
2. Зелинский Р.Ф. Мелодические формы северных карелов / Р.Ф. Зелинский // Карельские песни калевальского края. Петрозаводск : Карелия, 2008. С. 6–26.
3. История и культура Сямозерья / Отв. ред. В.П. Орфинский. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2008. – 812 с.
4. Карельские ёйги / Изд. подг. Н.А. Лавонен, А.С. Степанова, К.Х. Раутио. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1993. – 226 с.
5. Кершнер Л.М. Карельские песни / Л.М. Кершнер. – Ленинград: Музыка, 1962. – 130 с.
6. Клементьев Е.И. История и расселение карел в XVI–XIX вв. / Е.И. Клементьев // Прибалтийско-финские народы России. – Москва: Наука, 2003. – С. 172–179.
7. Краснопольская Т.В. Пудожская традиция и ее роль в формировании структуры североонежского региона / Т.В. Краснопольская // Певческое искусство народов Северо-Запада России. – Петрозаводск : Verso, 2013. – С.17–46.
8. Лебедева О.В. О поэтике северно-карельских piirileikkitt / О.В. Лебедева // Художественное образование в местах компактного проживания финно-угоских народов Карелии. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2008. – С. 57–64.
9. Логинов К.К. Несколько замечаний по поводу этнической идентичности коренных народов Карелии / К.К. Логинов // Этническая культура и XXI век. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2012. – С. 8–13.
10. Логинов К.К. Этнографические зоны и этнические границы в Карелии / К.К. Логинов // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008. – С. 90–103.
11. Мациевский И.В. Народный музыкальный инструмент и методология его исследования / И.В. Мациевский // Актуальные проблемы современной фольклористики. – Ленинград : Наука.1980. – С. 143–170.
12. Мациевский И.В. О финно-угорских реликтах и параллелях в традиционной русской инструментальной музыке / И.В. Мациевский // В пространстве музыки. – Санкт-Петербург : РИИИ, 2013. Т. 2. – С. 35–46.
13. Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. – Москва : Наука, 2003. – 670 с.
14. Гумилев Л.Н., Окладников А.П. Феномен культуры малых народов Севера / Л.Н. Гумилев, А.П. Окладников // Декоративное искусство. № 8, 1982. – С. 23–28.
15. Калаберда А.В. Звуковые подражания (голосовые имитации и манковые наигрыши) в традиционной культуре карелов / А.В. Калаберда // Музыковедение. № 10. 2016. – С. 10–16.

Шевацук Н.А.

Отражение традиционного костюма адыгов в исторических и современных художественных произведениях

*Майкопский государственный технологический университет
(Россия, Майкоп)*

doi: 10.18411/spc-26-07-2020-09

idsp: sciencepublic-26-07-2020-09

Аннотация

В статье анализируется отражение традиционного костюма адыгов в исторической фотографии, гравюрах и произведениях современных художников. Предметом исследования статьи является возможности демонстрации народной